

«В ПОИСКАХ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ»

10 июля в «Советской культуре» были напечатаны племенные заметки В. Кисунько «В поисках сегодняшнего дня», посвященные выставке народного художника СССР Ильи Глазунова. Статья вызвала многочисленные разноречивые отклики читателей. Сегодня редакция знакомит с частью откликов, полученных в последние дни.

Зрители верят

Не скрою, что нравятся мне длинные очереди у Манежа и на других выставках художников. Особенно когда они бывают в проливные дожди, зной или зимние холода. Значит, эта выставка интересная, и люди идут валом, ждут. К сожалению, так бывает нечасто. Но вот выставка Ильи Глазунова, посвященная 30-летию его творчества, побила все рекорды. Очередь ошеломляющая, она обогнула весь огромный Манеж, и люди терпеливо ждали встречи с сотнями прекрасных картин знаменитого и любимого художника даже в невиданные львы.

Побывал на выставке и я целых три раза. Трудно отойти от многих его картин. Они поражают и притягивают глубоким проникновением в жизнь, умелым и доходчивым для зрителя раздумьем над жизнью, ее ценностями, судьбами, будничными, военными и невоенными тревогами. Полотно как бы зовут человека, зрителя: оглянись лучше на большую, сложную жизнь вокруг тебя, подумай сам. И многие люди всех возрастов и положений, москвичи и иногородние, оглядываются и думают и благодарны за это художнику, потому и идут к нему, верят.

Успех выставки не только в Глазунове-художнике, но прежде всего в Глазунове-гражданине. Он живет делами, тревогами и заботами своего народа и родной земли. Именно он поднял во весь рост не библейские сюжеты, а честное видение родной земли, героической истории, ее людей, их судеб и мужественно пронес это через все свое творчество, чтобы поговорить об очень большом и священном на понятном языке с сотнями тысяч советских людей и теми, кто плохо знает нашу страну, ее людей, их героический дух и великое прошлое. Да, не разглядел критик Кисунько этого «загадочного» Глазунова.

Критика — дело серьезное, и не всем она по плечу. Такое тонкое дело прежде всего требует гражданственности, да и взгляда в полный рост, а не на подметки башмаков.

Е. ЕГОШКИН,
член Союза журналистов СССР, ветеран партии.

Обещания и воплощение

К творчеству Глазунова у меня особо ревнивое отношение: уже давно среди других крупных, особо значительных тем он сделал заявку на вечную для нашего народа тему Великой Отечественной войны. Верю, что порыв этот был полностью искренним и не диктовался никакими иными соображениями. Иначе и не может быть у настоящего художника, каким я и считаю Глазунова без всяких скидок. Слишком болит еще в каждом советском сердце, в каждом городе, селе и доме, чтобы можно было, берясь за такую тему, решать ее холодным разумом, спокойным взглядом.

Я очень ждал новых и новых работ Глазунова этой тематики. Верилось, что именно у И. Глазунова с его первоначально прямо-таки всепроникающим взглядом в душу человека тема прошлой войны выйдет на уровень толстовских обобщений и толстовской глубины.

Увы... Обещания так и остались обещаниями, нереализованной мечтой. Убежденно говорю об этом потому, что глубокого воплощения дорогие для нас образы не встретивших Победу друзей так и не получили. Слишком многое торопился и торопится воплотить художник.

Понимаю, что в просчетах художника следует винить не его одного. А мы — зрители и любители? Часто ли оставляем на персональных выставках в книге отзывов свою честную оценку, а не общие вежливые словеса? Ну нас еще как-то можно извинить, в обстановке всеобщего ажиотажа любитель порой теряется. Но критики, искусствоведы... Пусть вспомнят и они, сколько раз писали о работах и выставках хорошего художника Ильи Глазунова ничего не значащие, никуда не ведущие статьи и исследования.

Д. БЕЛЮЧЕНКО,
ветеран Великой Отечественной войны, строитель.

Титулы

не убеждают

Откуда берутся самоуспокоенность, ощущение собственной непогрешимости и право-

ты, как бы не подлежащих даже малейшей критике, у наших ведущих мастеров?

Давайте вспомним не такую уж и давнюю историю нашей живописи, когда выставки были гораздо интереснее именно потому, что они тщательнее организовывались, продуманнее готовились, а работы на них отбирались жестче, требовательнее, критичнее. Так было на столичных выставках. Так жила и периферия. Все вместе это не давало даже самому признанному мастеру возможности расслабиться.

Опустимся с небес в средний выставочный зал областного центра. Имена под названиями живописных работ одно громче другого. Вернее, титулы: «заслуженный деятель», «заслуженный художник», «народный». Прямо тебе «звезда» на «звезде», хоть глаза прижмуривай. А на картины поглядишь — и тоже порой зажмуриться хочется от неловкости. Как попадает в экспозицию, приуроченную к какой-то дорогой народу дате, откровенная сиюминутная поделка, хотя бы даже и «отитулованная» званием своего создателя? Где произведения разные и непохожие? Почему так мало представлены молодежи и отчего они как две капли воды повторяют своих предшественников?

Пройдешь по залам городской или областной выстав-

ки, посмотришь на скучные работы, а потом встречаешь их же... на республиканской выставке. Как поднимаются все выше и выше по выставочным этажам живописные «поэмы о молодке»? Вот уж загадка из загадок.

А резонанс ее — ажиотаж вокруг выставки Ильи Глазунова и его творчества вообще. Не знаю, грустить тут или радоваться, однако убежден в одном: устав от многокрасочного воспеания орудий труда, зритель тянется к тому, в чем есть душа, есть человек. И невольно прощает художнику, умеющему и желающему заглянуть в его душу, все издержки творчества. Не буду говорить, насколько вредно и опасно такое всепроничательство и для Глазунова, к которому я отношусь с симпатией и благодарностью за ряд его работ, хотя другие просто-таки не приемлю. Опасно и для всего нашего изобразительного искусства.

Вот об этом — об отсутствии здорового творческого соревнования — следует задуматься Союзу художников СССР и всем его местным организациям.

Н. КИРИЧЕНКО,
инженер-металлург.

Будем серьезны в оценках

Как это мне все до неловкости знакомо — нетерпеливое ожидание чуда из чудес в бесконечной очереди к Манежу, на выставку Ильи Глазунова... Неудобно сознаваться, конечно... Однако что было — то было: восемь

строки из писем

Я должна сказать, что мои мысли во многом не совпадают с мировоззрением Глазунова, это тоже «не мой художник», но это не дает никакого права ни мне, ни кому-либо другому умалять достоинство Глазунова и его роль в искусстве.

А. ДЬЯКОВА.

Илья Глазунов — выдающийся, талантливый, плодовитый художник, наша национальная гордость! Илья Глазунов любим народом.

Н. ГАВРИЛОВ,
ветеран труда и Великой Отечественной войны.

Благодарю газету за верную, справедливую заметку, за правдивые, откровенные высказывания.

С. ПРОХОРОВ.

А теперь от имени людей, с которыми пришлось общаться во время бесконечной очереди на выставку, я скажу, за что мы любим Глазунова. За его духовность, правдивость, истину,

великое мастерство, гражданственность.

А. ФИЛИНА.

Современный любитель искусства вполне может понять то, о чем хочет сказать талантливый художник. Поэтому идет на выставку И. Глазунова, поэтому спорит, поэтому много говорит о достоинствах и просчетах в его произведениях. Уверена, большинство зрителей стоит в очереди на выставку И. Глазунова не потому, что потом хочет блеснуть «признаками» хорошего или плохого тона, а потому, что этот художник отражает в своих произведениях современные проблемы, хотя бы в картине «Возвращение блудного сына».

Я, как и другие зрители, не могу принять безоговорочно все у Глазунова, но он смело правдив по сравнению с другими художниками, а люди хотят правды!

Г. АБРАМОВА,
инженер.

Теперь радоваться надо, что И. С. Глазунову предоставили главный выставочный зал страны, что все желающие смогут посетить выставку. Вы вспом-

лет тому назад и я вместе с другими обрушивалась на всякого, кто подвергал творчество моего любимого мастера хотя бы малейшему сомнению. Пытаюсь разобраться сегодня в истоках той неистовости. Делаю себе скидку на тогдашний ранний студенческий возраст с присущей ему переменчивой воззрительностью.

Но не в одном возрасте, разумеется, дело. Будем серьезны в оценках и самооценках. В пору становления «сурового стиля» Глазунов начал создавать свой «душевный стиль» — это верно замечено в статье. Именно этой душевности не хватало нам на отдельных этапах жизни отечественного изобразительного искусства. Глазунов точно уловил тогдашнюю потребность людей. Наверное, за это мы прощали ему все: демонстративное смещение стилей, некую небрежность стилизаций, поверхностность в передаче жизненных впечатлений.

Но годы-то идут. И начинается суровая пора переоценок, которая отвергает фанатизм — он, как известно, не доводится даже дальней родней трезвому и углубленному анализу.

К новой встрече с персональной выставкой И. Глазунова в Манеже я подошла с осторожностью. Дважды посетила выставку и дважды убедилась: цитируя самого себя, художник, на мой взгляд, все дальше и дальше уводит душевность — от души, красоты — от красоты, а видимую жизненность — от нашей с вами реальной жизни.

Л. ПОПОВА,
филолог.

Познать самого себя

Я был свидетелем, как бурно обсуждали в Манеже статью В. Кисунько о творчестве Ильи Глазунова. Одни резко осуждали ее, другие горячо поддерживали: поляризация мнений была явной, как, впрочем, уже долгие годы, едва ли не с той поры, когда Глазунов выступил со своей первой выставкой. Собственно, статья Василия Кисунько и побудила меня высказать свой взгляд на искусство художника, тем более что автор статьи предпослал ей подзаголовок «Пolemические заметки», то есть, как я понимаю, приглашение к спору, к дискуссии.

Боюсь, что принадлежу к тем, кого Василий Кисунько обрисовал без очевидной симпатии — кто в длинной очереди выставляет свое право увидеть картины и рисунки Ильи Глазунова.

Полагаю, критики напрасно игнорировали факт огромной популярности художника. Но автор статьи впал, как мне кажется, в тот же грех, объединив в одно явление «психологию очереди» и творческие искания Глазунова. Получается, будто люди лишь поддаются моде, мифу, слепо повторяют бытующие легенды о художнике, предпочитают сплетни вокруг имени Глазунова его картинам. Только это — явное упрощение. Считаю, что широкий интерес к художнику никак не может быть поставлен ему в вину. И факт этот надо принимать всерьез.

Профессионалы — искусствоведы, к сожалению, так и не сумели ответить на вопрос, в чем же причина популярности Глазунова.

Лично я думаю так: в его подкупающей искренности. Хотя и мне не все вещи художника по душе, но в искренности его я не сомневаюсь. Действительно, Глазунов не стесняется теплоты и трогательности. Редко встретишь такую душевную открытость, как у Ильи Глазунова, и определение «душевный стиль», данное в статье, мне кажется очень метким и точным.

Художник создал свой канон красоты. Он ценит красивое, умеет эффектно преподнести его — в портретах особенно. Портреты — заметная часть его творчества, если вообще не определяющая. Может быть, художник и цитирует самого себя, повторяя

им же найденное, но ведь именно это и делает его узнаваемым. И не вижу ничего плохого в повторяемости больших глаз, потому что именно в них художник нашел формулу красоты, которая влечет к нему людей. Здесь Глазунов, как мне кажется, идет от иконной традиции.

Думаю, что древнерусская живопись, ее каноны обогатили живопись Глазунова. Однако чувствуется чрезмерное увлечение иконой. А всякий прием, употребляемый без меры, становится нарочитым, мешает созданию полноценного образа. Особенно в тематических полотнах. Одно дело, картина на тему далекой истории. Здесь, по вполне понятным причинам, религиозная атрибутика уместна. Другое — картина на современную тему. Когда на место современных идей, определяющих сознание и развитие общества, подставляет все ту же религиозно-мистическую атрибутику, неизбежно отступление от правды жизни. Впрочем, об этом компетентно судить искусствоведам, а не делюсь сугубо личными впечатлениями.

Глазунов действительно одним из первых распознал нарастающий интерес в нашем обществе к отечественной истории и предположил свое понимание событий далекой и близкой истории. Это — право художника. Как откровения были восприняты в свое время иллюстрации к литературным произведениям, в частности к Достоевскому.

И сегодня, придя на выставку, я увидел хоть и недавно написанные вещи, но словно бы копии с тех, что видел восемь лет назад. Философия истории — трудный объект для искусства, и художнику еще предстоит ее глубинное постижение.

Я думаю, разговор о выставке в Манеже дает возможность серьезно задуматься над таким сложным и противоречивым явлением, каким является творчество Ильи Глазунова. И еще тем полезен этот разговор, что помогает нам, зрителям, точнее определить свое личное отношение — какие-то критические оценки принять, а какие-то отвергнуть.

Не берусь судить, написал ли Илья Глазунов свою главную картину, но хотелось бы, чтобы она была им написана, чтобы художник стал глубже, мудрее, прозорливее, чтобы выставка и полемика вокруг нее помогли ему полнее познать время и самого себя.

В. КУЛАКОВ,
историк.

19 ИЮЛЬ 1988
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва